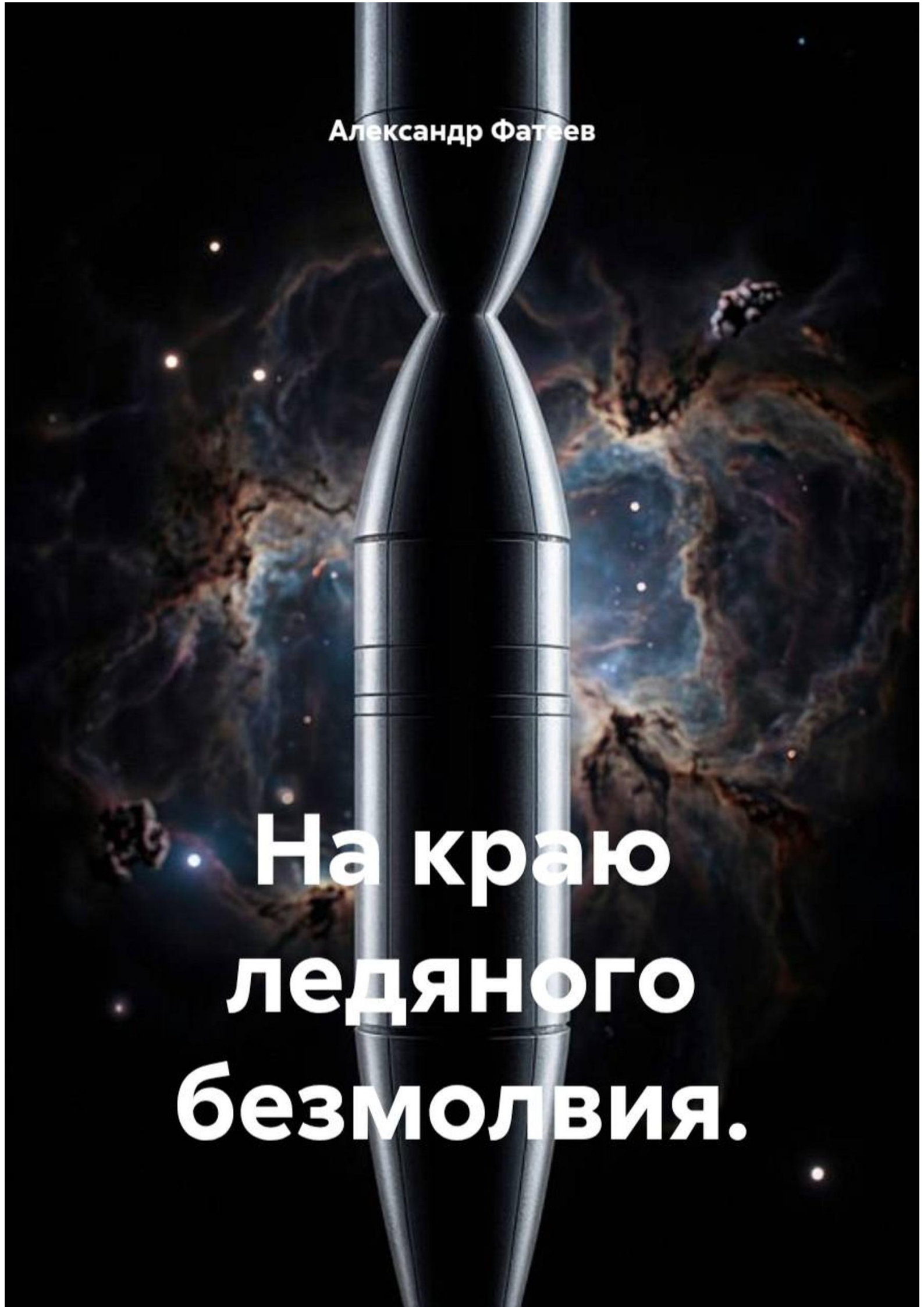

Александр Фатеев

На краю ледяного безмолвия.

Александр Фатеев

На краю ледяного безмолвия.

«Автор»
2026

Фатеев А.

На краю ледяного безмолвия. / А. Фатеев — «Автор», 2026

В глубоком космосе работает станция по обслуживанию маяков, рутинная работа сменяется выходом на контакт с разумом, который нельзя понять, но можно принять как данность....

© Фатеев А., 2026
© Автор, 2026

Александр Фатеев
На краю ледяного безмолвия.

На краю ледяного безмолвия

Справочная сводка

Станция «Фарватер»:
- Большая полуось: 50,3 а.е.
- Эксцентриситет: 0,04
- Наклонение: 1,8°
- Период обращения: 357 лет
- Орбитальная скорость: ~4 км/с
- Расстояние до Земли: ~7 световых часов
- Расстояние до Нептуна: ~4 световых часа

Источники сигнала:
- Объект А: 1,0 а.е. от станции
- Объект Б: 1,41 а.е. от станции

Коридор:
- Восемь маяков, шаг ~1 а.е.
- Ближние — 2–3 дня на катере
- Дальние — обслуживают беспилотники

Глава первая. Смена

«Фарватер» не встречал гостей — он встречал смену. Кира это знала. Так было везде, куда её посылали. Но здесь она была впервые.

Она летела четыре месяца. Транспорт был небольшим, но не тесным: каюты на четверых, просторные по космическим меркам, с настоящими койками, шкафчиками и даже столом; кают-компания, камбуз с запасом провианта на полгода и машинное отделение с ядерным реактором. Четыре месяца — не шутка. Надо было жить, а не выживать.

Маршрут она знала наизусть, потому что его повторяли на каждой пересадке: Земля — Марс, две-три недели, смотря какое окно; Марс — «Фарватер», около четырёх месяцев. Марс лежал примерно на пути к внешним орбитам, и транспорт останавливался там, чтобы дозаправиться и принять груз, — не сворачивая в сторону, а проходя через него, как через пересадочный узел. В этот раз Марс стоял близко к противостоянию — всего в половине астрономической единицы от Земли, — и это было удачей. Старт всегда рассчитывают по положению планет: если бы окно было хуже, лететь пришлось бы дольше, и сигналы шли бы дольше. Средняя скорость по маршруту — около семисот километров в секунду, крейсерская — до полутора тысяч, а разгон и торможение занимали по месяцу каждый. Так что четыре месяца — это не «быстро», это «ровно». Без спешки. Без перегрузок.

Рядом, на соседних траекториях, шли буксиры. Кира видела их на экране — длинные связки контейнеров, растянутые на километры, которые ползли медленно и упрямо, как поезда по своим рельсам, без людей на борту, только автоматика и груз. Транспорт Киры обгонял их, потому что был пассажирским и лёгким и мог себе позволить идти быстрее. А буксиры тащились месяцами, доставляя воду, азот и расходники на станции. Кира, глядя на них, думала: вот идёт поезд, который придёт через полгода после неё.

Кроме неё, на борту было трое: пилот Глеб Сотников, второй пилот Марат Ахметов и бортинженер Светлана Ковалёва. За четыре месяца они стали если не друзьями, то своими — вместе ели, вместе смотрели в иллюминатор, вместе считали дни до станции.

Глеб был сухой и молчаливый, с лицом человека, который провёл в рейсах половину жизни. Говорил короткими фразами, но за каждой стояло что-то, что он передумал за долгие часы у пульта. Марат был молодым и спокойным, с вечной полуулыбкой, отвечал за связь и однажды сказал Кире, что когда-то думал, будто космос — это романтика, а потом понял, что это просто работа. Только очень далеко от дома. Светлана была практиком, у которой руки стояли на всё: на двигатель, на системы жизнеобеспечения, на мелкий ремонт. За четыре месяца они с Кирой сошлись больше всех, потому что обе были инженерами. Светлана учила её местным хитростям — как чинить дозатор воды, если он засорился, как проверять уплотнители на люке, как не сойти с ума от однообразия, — и говорила, что главное в долгом полёте это ритуал: утром зарядка, днём обход, вечером чай. Если ритуал есть, ты не сломаешься.

Однажды, на второй месяц, они сидели в кают-компании, и Светлана спросила, зачем Кира летит на «Фарватер». Кира ответила, что работать. Светлана не отстала: зачем это ей? Кира помолчала, а потом сказала, что хочет понять, как работает связь на границе, потому что маяки, глубина и задержки — это интересно. Светлана согласилась, что интересно, и спросила про дом. Кира ответила, что дом там, а здесь работа. Светлана посмотрела на неё долго и сказала, что Кира странная: все хотят домой, а она — туда, где никого нет. Кира возразила, что там тоже люди — смена, вахта. Светлана напомнила: полгода и всё. Кира сказала: и всё. Светлана не ответила. Только отпила из пакета и помолчала. А потом сказала, что, может, Кира и права. Может, там и надо быть, на границе. Потому что кто-то же должен.

Почту везли отдельно — настоящую, бумажную: конверты, марки, посылки. В двадцать третьем веке это было почти экзотикой, потому что все давно привыкли к цифре и к сообщениям, которые летят со скоростью света и приходят через часы. А бумажное письмо летело четыре месяца, и его можно было держать в руках, разворачивать и читать, не глядя в экран. Кира везла два таких письма: от матери и от сестры.

«Фарватер» она увидела впервые, когда транспорт подошёл к станции и пристыковался. Люк отошёл, и они оказались в переходном шлюзе — тесной кабине, в которой могли уместиться от силы четыре человека, так что двое уже казались толпой. Люки с обеих сторон были открыты: транспорт ещё не отчалил, а станция уже ждала.

Глеб придержал внутренний люк и посмотрел на неё.

— Дальше сама, — сказал он. — Кибер встретит.

Кира поблагодарила и попросила передать Светке, что дописала отчёт по двигателю, пусть посмотрит, когда вернутся. Глеб сказал, что передаст, потому что она уже спрашивала.

Он протянул руку, и Кира пожала её — сухую, крепкую ладонь, привыкшую к перчаткам. У космонавтов рукопожатие с женщиной не считалось плохим тоном. Наоборот, так провожали в рейс.

— Полгода? — спросил он.

— Полгода, — сказала Кира.

— Ну, — сказал он, — тогда до встречи через полгода. Если не поменяют расписание.

Он помолчал, а потом добавил тише, чтобы она там это, писала, если что, через Нептун передадут, Марат проследит. Кира кивнула и пообещала написать.

Он отступил к люку транспорта, а Кира нажала кнопку на панели станционного люка. Створки разошлись, и за ними открылся осевой коридор — длинный, прямой, без гравитации, со скобами вдоль стен, под потолком и дежурным светом, ровным, чуть желтоватым, как в больнице.

Она шагнула в проём, и за спиной мягко стукнул станционный люк. Потом с той стороны стукнул люк транспорта — Глеб закрыл его изнутри. Транспорт отчалит через час и пойдёт обратно, к Нептуну.

— Здравствуйте, инженер Шестакова, — сказал голос в наушнике. — Вахта принята. Добро пожаловать на «Фарватер».

Это был кибер. Станционный, старой серии. Кира его не знала, как и он её.

— Спасибо, — сказала она.

Станция «Фарватер» была частью комплекса, который тянулся от Нептуна до границы облака Оорта: восемь навигационных маяков стояли вдоль коридора, и по ним шли грузы и связь; восемь глубинных модулей смотрели в Оорт и ловили гравитационные волны, аномалии и траектории комет. А между ними, на стыке, стояла сама станция — ремонтная база, перевалочный узел и дом для смены.

Она висела на орбите с большой полуосью пятьдесят целых три десятых астрономической единицы, с эксцентриситетом ноль целых четыре сотых, с наклонением почти два градуса к эклиптике, и делала оборот вокруг Солнца за триста пятьдесят семь лет, двигаясь со скоростью около четырёх километров в секунду. До Земли сигнал от неё шёл семь часов, до Нептуна — четыре.

Коридор от Нептуна до облака Оорта тянулся на двадцать астрономических единиц. На этом пути не было ни планет, ни астероидов, ни естественных ориентиров — только пустота и медленные кометы. Восемь маяков держали связь и навигацию: по ним шли грузы, по ним целились лазерные линии, по ним считали своё положение катера и беспилотники. Но маяки

— это только точки. Кто-то должен был их обслуживать, чинить, калибровать, менять модули, пока не сели батареи.

Этим и занимался «Фарватер». Он стоял на полпути между Нептуном и глубиной, и всё, что шло в Оорт и обратно — люди, грузы, данные, — проходило через него. Ремонтный ангар, склад, перевалочный узел, гостиница для сменных экипажей, станция связи. И одновременно — граница: дальше начиналось то, что люди называли «глубиной», и куда летали только беспилотники и очень упрямые исследователи.

Без «Фарватера» коридор распадался на куски. Без коридора внешние станции оставались без воды, азота и расходников, которые везли с Марса и Сатурна, а внутренние колонии — без телеметрии глубинных модулей и связи с Оортом. Это была не «станция», а узел, на котором держалась вся цепочка.

Ближние маяки — Ф-1, Ф-2, Ф-3 — стояли недалеко от станции, и до них катер долетал за два-три дня. Дальние, вдоль коридора к Нептуну, обслуживали беспилотники, и «Фарватер» только принимал телеметрию. Глубинные модули были совсем рядом, в получасе лёта, и Кира проверяла их чаще остальных, потому что они были капризные, научные и требовали внимания.

Ось станции не вращалась, и в ней была невесомость: стыковочные узлы, ангар, рубка с навигацией, мастерские, антенны. А вокруг оси вращалось жилое кольцо с каютами, кают-компанией, медицинским отсеком и лабораторией Ли. Лаборатория была в кольце, потому что там был вес, а в невесомости много чего не сделаешь. На ободе кольца сила тяжести достигала почти ноль целых четырёх десятых g. Между осью и кольцом шли четыре спицы, по которым спускались к ободу, и чем дальше от центра, тем сильнее становилась тяжесть. На каждом переходе стоял шлюз: в оси — невесомость, в кольце — вес.

Кира оттолкнулась и поплыла.

В оси было тихо и пусто. Только кабели в лотках да редкие иллюминаторы, за которыми были звёзды — много, больше, чем с Земли, потому что ни атмосферы, ни городских огней, ни Солнца, забивающего небо. Млечный Путь лежал поперёк, плотный, яркий, с тёмными прожилками пыли.

В иллюминаторе была одна точка — ближайший маяк, — а остальные семь Кира видела только на экране, где шла цепочка меток, уходящая в глубину. Она считала их по привычке, хотя привычки ещё не было: один, второй, третий — далеко, почти на пределе, восемь штук.

Она затормозила у третьего иллюминатора, поймав скобу.

— Кибер, — сказала она. — Покажи журнал предыдущей смены. Последние сутки.

Была пауза. А потом кибер сказал, что журнал предыдущей смены закрыт, и причина закрытия — досрочное снятие вахты, смена снята по распоряжению «Согласия» от…

— Я знаю, — сказала Кира. — Покажи.

Пауза была дольше обычного. Потом на внутренней панели иллюминатора вспыхнули строки, и Кира читала, держась за скобу.

Стандартный отчёт: работы по устранению источника помех в зоне маяков Ф-5 и Ф-6, применены заряды направленного действия, помеха устранена, коридор стабилен, вахта завершена досрочно с благодарностью.

Всё было гладко. Слишком гладко.

Она пролистала ниже: технические записи, телеметрия, служебные каналы — всё в порядке, всё по форме. И только в самом конце стояла строка, которая не вписывалась в форму.

«Не чини. Оно смотрит. Мы его ослепили».

Кира прочитала её дважды. А потом посмотрела на подпись: техник второй категории, фамилия стёрта. То ли повреждение файла, то ли кто-то потрудился.

— Кибер, — сказала она. — Кто автор последней записи?

Была пауза. А потом кибер сказал, что запись внесена в служебный журнал станции, автор — техник второй категории, идентификатор повреждён, восстановление невозможно.

— Странно, — сказала она.

Она отпустила скобу и поплыла дальше, к центру станции. Ближайший маяк за иллюминатором блестел ровно и спокойно, и это было единственное, что здесь двигалось.

Осевой коридор закончился центром станции. Здесь, в оси, гравитации не было: кольцо вращалось вокруг, а сама ось стояла неподвижно. Кира остановилась у скобы перед шлюзом — один на все четыре спицы, — с автоматическими дверями, без панелей и кнопок. Она оттолкнулась и влетела. Двери за спиной закрылись сами, мягко. Секунда тишины — и передние двери разошлись.

За ними открылся круглый зал, от которого в стороны расходились четыре входа — четыре спицы, четыре трубы, уходящие к ободу. Кира не знала, какая из них ведёт к её каюте, потому что ей никто не сказал. Она выбрала ближайшую и влетела.

И начала спускаться.

Сначала было непривычно: руки на поручнях, ноги ищут опору. А потом, по мере того как она удалялась от центра, появилась тяжесть — сначала слабая, как будто кто-то слегка тянет вниз, потом сильнее. И вот она встала на ступени, и спуск превратился в обычную ходьбу.

Гравитация росла постепенно: на середине спицы примерно половина земной, у обода почти ноль целых четыре десятых g. К тому времени, как она дошла до обода, тело уже вспомнило, что такое вес: ноги держали, руки не цеплялись за поручни, шаг был твёрдым. Почти.

Она вышла в коридор кольца и остановилась.

Жилое кольцо вращалось медленно, ровно, с едва слышным шорохом в подшипниках. Первые шаги после невесомости всегда неуверенные: ведёт в сторону, ноги путаются. Кира шла, держась за поручень, и ждала, пока тело вспомнит окончательно.

Коридор шёл кольцом: по правой стене тянулись кабели в серых лотках, по левой — иллюминаторы, за которыми были звёзды. Кира смотрела на них, пока шла к каюте.

В кольце было всё жилое: каюты, кают-компания, медицинский отсек, лаборатория Ли. А наверху, в оси, были антенны и навигация, стыковочные узлы и ангар. Кольцо вращалось, ось стояла, и между ними были четыре спицы и шлюзы, где вес менялся.

Каюта оказалась узкой: койка, шкафчик, круглый иллюминатор в ободе. Кира вошла, закрыла за собой дверь и на секунду прикрыла глаза. Всё было незнакомым. Впереди было полгода.

В ремонтном ангаре её ждал Ли, но чтобы туда попасть, пришлось подняться к оси.

Кира вышла из каюты и пошла по коридору к ближайшей спице. Поднималась по скобам шаг за шагом, и чем ближе к центру, тем легче становилось. К середине спицы она уже не шла, а плыла, отталкиваясь от поручней.

У самого верха, где спица упиралась в ось, стоял шлюз. Кира влетела в него. Люки за спиной и впереди закрылись сами, мягко, без стука. Секунда тишины — и передний люк разошёлся.

За ним была ось, но с другой стороны — не та, через которую она входила в первый раз, а противоположная. Кира выбралась из шлюза и осмотрелась: та же осевая труба, те же скобы, поручни, дежурный свет. Только ангар теперь был ближе.

Осевая труба уходила в сторону — длинная, прямая, без гравитации, со скобами вдоль стен и поручнями под потолком. Кира оттолкнулась и полетела мимо стыковочных узлов, рубки с навигацией и мастерских — всё в неподвижной части станции, рядом с антеннами. Ангар был в самом конце, потому что так удобнее: контейнеры не надо таскать через вращающееся кольцо.

Кира добралась до люка, открыла его и вплыла в ангар.

Ли держался за скобу у верстака. Над верстаком, прижатые магнитными зажимами, висели распечатки — настоящие, на бумаге, чего на станции не делал никто. Часть листов уже отцепилась и медленно дрейфовала вокруг Ли, как белые рыбы. Он был молодым, в мешковатом комбинезоне не по размеру, с лицом человека, который третьи сутки не спит и считает это нормальным.

— Вы Кира? — спросил он. — Я Ли, наблюдатель от «Горизонта».

— Знаю, — сказала Кира, подплывая к верстаку и придерживаясь за край. — Мне сказали, вы наблюдали аномалию.

— Наблюдал, — согласился Ли. — Полгода, с тех пор как предыдущую смену сняли и увезли. Я остался: у «Горизонта» отдельная программа, меня смена не касается. Так и живу тут один, с кибером.

Кира спросила, а новую почему не прислали. Ли ответил, что прислали — её, — просто через полгода, потому что «Согласие» не спешило: станция на автоматике, коридор работает, чего торопиться, транспорт был занят, вопрос закрывали. А он не в счёт, у него своя программа, он тут не за смену.

Кира посмотрела на распечатки — графики, кривые, что-то знакомое в ритме — и спросила, что он нашёл.

— Помеха была, — сказал Ли. — Маяки Ф-5 и Ф-6 барахлили одинаково. Потом заряды сдвинули комету, и помеха исчезла. Но вместе с ней пропала и связь: данные перестали приходить.

Кира спросила про аппаратуру. Ли сказал, что проверял: самодиагностика чистая, контрольный импульс проходит, Ф-1, Ф-3 и Ф-4 работают нормально. Шумят только два. Если бы сломалась станция, шумели бы все. Если бы один маяк — шумел бы один. А тут два, и одинаково.

— То есть железо цело? — спросила Кира.

— Цело, — сказал Ли. — Но данные не идут. Надо слетать и посмотреть на месте.

Кира спросила, почему смену вообще сняли — работы, что ли, закончились. Ли ответил, что официально да: плановое сокращение вахты, помеху устранили, коридор стабилен, держать смену дальше незачем, сняли досрочно и с благодарностью, всех до одного. Кира уточнила: а неофициально? Ли помолчал, а потом сказал, что неофициально их убрали — всех, кто был здесь, когда ставили заряды, даже тех, кто к зарядам не подходил, — чтобы не осталось свидетелей.

Кира напомнила, что в отчёте написано «коридор стабилен». Ли согласился: написано, потому что помеха исчезла, значит, стабилен, формально. А то, что вместе с помехой перестали идти данные, списали на временные перебои после сдвига кометы — мол, наладится. Но не наладилось. Кира спросила, и никто не проверял. Ли сказал, что кому проверять: смену увезли, станция на автоматике, он один, у него своя программа, он не за коридор отвечает. А «Согласие» получило отчёт и успокоилось.

— То есть отчёт соврал, — сказала Кира.

— Отчёт не соврал, — сказал Ли. — Отчёт умолчал. Помеха действительно исчезла. А то, что связь вместе с ней, — об этом в отчёте ни слова.

Кира заметила, что коридор ведь работал: если два маяка из восьми не гонят данные, связь всё равно идёт через остальные. Ли согласился: идёт, медленнее и с потерей точности, но идёт. Шесть маяков тянут, а два просто выпали из цепочки, как две лампочки в гирлянде. Гирлянда горит, а что две не горят, замечаешь не сразу. А когда замечаешь, уже полгода прошло.

Кира сказала, что и в «Согласии» не заметили. Ли ответил: в «Согласии» смотрят на сводку, а в сводке «коридор работает», значит, всё в порядке. То, что работает хуже, чем раньше, — это уже детали.

Кира молчала. В ангаре гудел вентилятор, гоняя воздух по кругу. Где-то далеко, за переборкой, как буд-то, кто-то толкнул дверь, и она мягко стукнула о стопор и осталась приоткрытой.

— Покажите мне записи, — сказала она наконец. — Все. С момента, как дрейф появился впервые.

— Это двадцать лет записей, — сказал Ли.

— Значит, начнём с двадцати лет назад.

Она оттолкнулась от верстака и поплыла к выходу, а потом, не оборачиваясь, спросила, кто написал в журнале «оно смотрит». Ли помолчал и сказал, что не знает: фамилию стёрли. Он застал их перед отъездом и спрашивал потом Землю, но никто не помнит техника. Говорят, он был тихий, работал и не высовывался. А потом вдруг написал это — и его сняли вместе со всеми. Кира уточнила: сняли? Ли ответил: вахту закрыли досрочно, с благодарностью, и увезли. Всех до одного.

Кира затормозила у люка, поймав скобу.

— Странно, — сказала она второй раз за сегодня.

И выплыла в коридор.

Глава вторая. Караван

Караван шёл с Сатурна четыре месяца, и Кира знала это точно, потому что кибер каждое утро выводил на панель в каюте сводку: дистанция, скорость сближения, расчётное время стыковки. Четыре месяца назад транспорт «Молот» отстыковался от Титана, принял на борт шесть контейнеров и двоих людей — техника Волкова и медика Орлову — и ушёл в темноту. С тех пор он тормозил медленно, упрямо. А Кира жила на станции.

Вахта шла первую неделю, и организм ещё перестраивался на станционное время — двадцать шесть часов вместо двадцати четырёх, потому что так удобнее для смен и не сбиваешься с ритма. Кира просыпалась за десять минут до будильника, лежала на койке — на настоящей койке, с матрасом и подушкой, пристёгнутая ремнём, чтобы не улететь, если кольцо вдруг дёрнется, — и слушала, как в переборке гудит вентилятор.

Жилое кольцо вращалось медленно, ровно, с едва слышным шорохом в подшипниках. На ободе было почти ноль целых четыре десятых g: не Земля, но достаточно, чтобы тело помнило, что такое низ.

Она отстегнула ремень и встала — просто встала, ноги на пол, руки в стороны, шаг. После недели в кольце это было уже почти привычно, хотя первые дни её вело: шаг в сторону, ещё шаг к стене. Теперь тело вспоминало.

Умывание занимало три минуты: вода из дозатора лилась вниз, в раковину, и это было маленьким чудом, к которому Кира так и не привыкла до конца. Полотенце было обычное, махровое, из шкафчика; зубная паста обычная, из тюбика. Она выдавила на щётку, почистила зубы и сплюнула в раковину, вниз, в воду, которая ушла в сток.

Потом была физкультура: полчаса на тренажёре, пристёгнутая к раме, потому что без этого через месяц начинают слабеть мышцы, а через два и кости. Кира не пропускала — не из дисциплины, а из привычки.

Завтрак был в кают-компании, на ободе, где стояли столы и стулья, привинченные к полу. Кира села, пристегнулась на всякий случай, по привычке. Еда была почти обычной: каша из пакета, разогретая в микроволновке, и кружка чая. Кружка стояла на столе и не улетала, чай был горячим, и можно было пить из кружки, а не через трубочку. Мелочь, но Кира помнила, как в первую вахту, ещё на старой станции без кольца, пила чай из пакета и мечтала о кружке.

После завтрака она пошла к ближайшей спице и поднялась по скобам. Чем ближе к центру, тем легче было. У верха влетела в шлюз, дождалась, пока люки закроются и разойдутся снова, и выплыла в ось.

В оси было тихо, гравитации нет, скобы вдоль стен, поручни на потолке. Ангар, рубка и мастерские были здесь. Кира поймала скобу у поворота и свернула в рубку.

Кибер сообщил о караване за сорок минут до стыковки. Кира как раз проверяла телеметрию маяка Ф-2: маяк работал ровно, дрейф в пределах допуска, но в записях что-то было не так. Она смотрела на график и не могла понять, что именно.

— Транспорт «Молот» на подходе, — сказал кибер. — Стыковка через сорок минут. Состав: шесть контейнеров, сменный экипаж — два человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.